

**«МАЛОРОССИЙСКИЕ ПРИКАЗКИ» Е.П.ГРЕБЕНКИ:
ПОЭТИКА АВТОРСКОЙ БАСНИ**

А. А. Косицин

11 ноября 1826 года младший профессор латинской словесности Нежинской гимназии высших наук, глубокий знаток римских древностей, Семен Матвеевич Андрущенко пишет отцу квартирующего у него студента – Павлу Ивановичу Гребенке – письмо, в котором высказывает одобрение по поводу литературного творчества его сына: «Евгений Ваш, благодаря Бога и Карла Карловича, теперь совершенно здоров. Уже более недели ходит в класс и строчит порядочно стихи, к которым он большой охотник. Я сам, кроме классических его занятий, руководствую его по словесности российской, признаваемой мною для государственной службы и для частной жизни полезнейшею наукою» [1].

За неделю до этого «признания», сделанного профессором, 3 ноября 1826 года, старательный студент Е.П.Гребенка сам пишет в «родные пенаты» письмо и, рассказывая о своих делах, сообщает между прочего, что «сочинил еще» 10 стихотворений и «перделал другим образом» басню «Мышь» [2.С.507.]. Среди упоминаемых им стихотворений есть также и «Соловей» – сочинение, возможно, имеющее отношение к произведению, напечатанному в сборнике 1834 года «Малороссийские приказки». Как известно, Гребенка стремился совершенствовать свое мастерство и не раз возвращался к ранее написанному с целью корректировки или даже полной перделки. С ранних лет он относился к сочинениям со строгостью, предпочитал «воспитывать» и «доводить до ума» всякие свои литературные замыслы. Существует мнение, что именно требовательное отношение Гребенки к себе и своим литературным трудам побудило его воздержаться от включения первых юношеских литературных опытов в полное собрание своих сочинений, к изданию которого он приступил незадолго до смерти.

Сегодня произведений Гребенки студенческих лет, за исключением, пожалуй, пьесы «В чужие сани не садись» (1927), к сожалению, не сохранилось. Но зато сохранились письма к родителям этого периода, которые позволяют увидеть, что к жанру басни писатель обратился еще в те годы. Тогда же, вероятно, и зародилась у него идея «Малороссийских приказок», воплощенная окончательно цензурным разрешением 5 августа 1834 г. с последующим изданием сборника в том же году.

Первое издание басен отдельной книгой содержало посвящение «Добрым моим землякам и любителям малороссийского слова», а также предупреждение: «Долгом поставляю известить почтеннейших читателей, что содержание некоторых приказок взято мною из басен Крылова и других в сем роде писателей, и что в орфографии я следовал способу, принятому нашим известным поэтом Гулаком-Артемовским» [3.С.528]. Уже во втором издании этой книги посвящение и предупреждение были сняты. Это придало произведениям Гребенки большую самостоятельность в глазах читателей. Однако вероятнее было бы предположить, что снятию предупреждения способствовало какое-то случайное стечение обстоятельств, а не намеренное желание автора.

В первой половине XIX века культурная общественность признала Гребенку виднейшим баснописцем эпохи. Разумеется, до него в украинской литературе уже сложи-

лась определенная басенная традиция. Басня была широко распространена в предшествующие века, использовалась в курсах риторик и поэтик, входила в переводные сборники. К этому жанру обращались Г.С.Сковорода, И.П.Котляревский, Л.И.Боровиковский, П.П.Гулак-Артемовский и другие. В русской литературе в жанре басни активно работал И.А.Крылов. По словам А.Дьяченко, Гребенка сознательно подражал «знаменитому русскому баснописцу, однако все же не встал на путь только подражания своему учителю» [4.С.8.]; в баснях Гребенки – «своеобразный местный колорит, знание народной жизни и быта, умелое использование лучших образцов народного творчества» [4.С.8].

Примечательно, что началом творческого пути Гребенки стало обращение именно к басне. В этом находит отражение мысль о литературе как институте воспитания. Басня, являясь морализаторским произведением, произведением-наставлением, в котором заострен воспитательный момент, казалась Гребенке Откровением, неподдельной правдой жизни.

Жизнь, в ее проблемах и казусах, Гребенка воплощает в рамках художественного произведения через конфликт. Его басни становятся панорамой борьбы положительных и отрицательных сил, изображающей классическое противостояние добра и зла. Удачно используя характерные естественные признаки и качества разных представителей животного и растительного мира, учитывая народное восприятие окружающей природы, он прозрачно и сжато высказывает свои мысли, делает их понятными для каждого читателя. В.Л.Микитась, исследуя поэтику басен Гребенки, в качестве удачной находки писателя отметил введение в их сюжетную ткань «отдельных пейзажных деталей и целых пейзажных рисунков» [5.С.7], что придает его произведениям особый украинский колорит.

Сюжеты гребенковских басен просты и, как правило, не требуют усиленного додумывания, расшифровки аллегорий. В основу басни Гребенка вкладывает общеизвестную суть, сводящуюся к одному-единственному указанию типа «не ври!», «не пожелай чужого!» и т.д. Примечательно, что сам Гребенка называл свои басни «шговорками». Композиция произведения, в таком случае, является своеобразным «разворачиванием» простого, конкретного, указания в историю.

Каждое произведение «Малороссийских приказок» построено по принципу *спора* и реализует *внешний конфликт*, изображая столкновение двух сил (лиц), где одна терпит поражение в стремлении покорить другую. Ситуация *спора и поражения* высмеивается автором. Имена спорящих героев (сталкивающихся сил) Гребенка обычно выносит в название басни – «Вовк и Огонь», «Будяк да Коноплиночка», «Рожа да Хміль», «Ворона і Ягня», «Утятя да Степ», «Сонце да Хмари», «Гай да Сокири» и т.п.

Спор в баснях Гребенки – особый. Это диалог героя с судьбой, идейный поединок между ними. Часто речь героя охватывает либо все произведение в целом, построенное как ответ на ясно поставленный вопрос (угадываемый за рамками самого ответного текста), либо часть диалога, другой частью которого является «речь судьбы», представленная через героя-антипода (в таком случае в произведении наличествуют два героя, один из которых олицетворяет фатум). Однако диалог между спорящими не всегда может быть выражен прямо. Он также может быть представлен в «фокусе авторского ви-

дения». Обязательным условием произведения в таком случае является «рифмовка» авторского «я» с героем или пейзажем, момент их совпадения и взаимоотражения друг в друге. Это мы можем наблюдать, например, в стихотворении «Човен», последняя строфа которого проецирует на авторское «я» все описанное над нею, накладывает на авторское «я» и отождествляет с ним всю вышеописанную картину: «Як човнові море, для мене світ білий Ізмалку здавався страшним; Да як заховатися? не можна ж вік цілий Пробути з собою одним. Прощай, мій покою, пускаюся у море! І може недоля і лютеє горе Пограються з човном моїм» [З.С.65-66].

Точно также построен и художественный мир басен Гребенки, особенная роль в котором отведена «фокусу авторского видения».

Показательна басня «Вовк і Огонь», рассказывающая историю о том, как костер согрел волка, и тому так стало приятно, что в благодарность он решил по-дружески поцеловать костер. Огонь же опалил в ответ зверю всю морду. Итогом басни автор определяет мораль: «Мій батько так казав: “З панами добре жити, Водиться з ними хай тобі господь поможе, Із ними можна їсти й пити, А целовать їх – крий нас боже!”» [З.С.58].

Мораль в данном случае переводит все повествование басни в иной ракурс: если в истории о волке и огне мы видели лишь безличное повествование, то такая история вкупе с моралью делает очевидной для нас, читателей, фигуру рассказчика – четко прописанного лирического героя. Речь о своем отце произносит тот же, кто и рассказывает историю, случившуюся с волком. Таким образом, его речь в целом (история+мораль) превращается в типичную, классическую по форме басню.

Но есть в творчестве Гребенки басни, формально не завершающиеся прописыванием морали. Яркий пример такого типа – басня «Ведмежий суд».

Лисица обратилась в суд с обвинением вола в том, что он насытился господским овсом, сеном и солью. Казалось бы, волу незачем беспокоиться: он не совершил ничего противоправного и противоестественного. Однако судья (медведь и волки) вынесли свой приговор: «Так за такі гріхи його (вола) четвертувати і м'ясо раздірять суддям на рівні часті, лисяччі ж ратиці оддати» [З.С.46]. Такова картина своевольного «медвежьего» суда. Мораль здесь не прописывается автором после истории, она растворена в ткани самого произведения на уровне подтекста, а также находит отражение главным образом в самом названии басни – «Медвежий суд».

Таким образом, не всегда в баснях Гребенки мораль замыкает повествование, раскрывая тем самым суть аллегорического рассказа. Она зачастую «вбирает» в себя фигуру рассказчика истории, ставит его «в отношении» к рассказываемой им истории.

Фигура рассказчика, таким образом, стремится стать сюжетобразующим элементом художественного мира, одной из его определяющих. Это явление просматривается не только в ряде басен Гребенки, но в его творчестве в целом.

Написав и издав в 1834 году сборник басен «Малороссийские приказки», Гребенка по прошествии лет создал еще лишь две басни – «Дядько на дзвониці» и «Хлопці». Обе – в 1840 году, когда параллельно работал над первой повестью «Записки студента», произведением, которое в дальнейшем все исследователи его творчества стали рассматривать как автобиографическое, вопреки желанию автора [З.С.608]. И обе эти басни продолжают и укрепляют традиции, заложенные предшествующими опытами.

Басня «Дядько на дзвониці» – повністю відповідає принципам «Малоросійських приказок»:

Ізліз мій дядько на дзвоницю
Та, знай, гука: «Оце кумедія яка!
Всі люди на землі мов ті перепелиці:
Здається, більший з них не більше п'ятака.
Гай, гай! Які ж вони дрібненькі!
Так ось коли я їх, як треба, розібрав!»
А мимо йдучи, хтось на дядька показав
Та, далекі, мене спитав:
«Що то таке, чи щур, чи горобець маленький?» [3.С.62]

Здесь мы видим и диалогическое построение, и участие повествователя в истории, о которой он рассказывает, и традиционное оборачивание. В особенности четко прорисована (усилена) здесь фигура автора и ее роль в выведении басенной морали. С одной стороны, автор, который является одним из действующих лиц произведения, ничего не произносит (кроме «собственного текста»), он только детально рисует картину, находит слова, чтобы описать историю. В этом случае формальное отсутствие в произведении морали представляет автора-повествователя как бездействующую фигуру. Если вычеркнуть из последнего предложения басни сегмент «*мене спитав*», то смысл басни не изменится. Однако, с другой стороны, наличие в тексте басни этого сегмента делает автора (рассказывающего историю) лицом в высшей степени действующим, так что сам акт его говорения превращается в мораль. Именно наличие авторского «я» в тексте произведения определяет его как басню. Автор становится необходимым для этого жанра «углом в равностороннем треугольнике», и этот «третий угол», разрешающий спор двух сторон, становится моралью басни.

Создавая свои басни под влиянием предшественников, используя их достижения и наследуя лучшие литературные и фольклорные традиции, Гребенка сумел обнаружить собственную творческую индивидуальность. В своих баснях он представил, в первую очередь, свое отношение к социальным разногласиям тогдашней действительности, выступив против помещичьего произвола, бездушия чиновников, плутовства, несправедливости царского суда. Исследователи причисляют Гребенку к «когорте классиков» украинской литературы, подчеркивая его роль в развитии жанра басни. «Збірочка байок “Малоросійські приказки” Є.Гребінки, – як відзначає В.Л.Микитася, – значувала собою не тільки відрядне явище, але й зробила значний вклад у розвиток даного жанру в період становлення нової української літератури» [5.С.6]. Подобно В.Л.Микитасю, Б.А.Деркач в монографії «Євген Гребінка. Літературний портрет» зазначає: «З його ім'ям пов'язаний подальший розвиток жанру байки в новому українському письменстві, яке з кожним десятиліттям усе впевненіше утверджувалося на позиціях нового художнього методу відображення дійсності – на позиціях критичного реалізму» [6.С.149].

Значение ранних произведений Гребенки, написанных по-малороссийски, для украинской литературы было очевидно еще при жизни автора. Недаром вскоре после его смерти П.А.Кулиш резюмировал, что «приказки були найкраще діло зо всього, що понапечатував Гребінка» [7.С.514]. О других, написанных на русском языке произведениях, составивших в итоге большую часть наследия писателя, исследователи обыкновенно говорят как о менее удачных, посредственных и даже подражательных. А.Путинцев в работе «Е.П.Гребенка как малорусский поэт» писал: «Желание стать вторым Гоголем заставило нашего поэта пойти по ложной дороге, насиловать свою творческую способность, и он, борясь между великорусскою и малорусскою стихиею, слишком мало отдал дани родному творчеству, а ведь здесь поэт наш меньше был стеснен в своем творчестве и ярче блистал своим талантом»[8.С.1].

Безусловно, «Малороссийские приказки» – значительный этап не только в становлении художественного творчества Гребенки, но и для украинской литературы в целом. Своими «приказками» Гребенка как литератор обрел имя в истории литературы. И дело здесь не только в художественном мастерстве, но и в том, что вместе с «приказками» в литературном процессе стало фигурировать и сама фамилия литератора. В 1834 году, в этом издании, она впервые прозвучала как *Евген Гребенка*, открестившись от привычной до той поры подписи *Гребенкин* и прочих псевдонимов.

Библиографический список

1. ИЛ НАН України. Ф 65/54.
2. Гребінка, Є.П. Твори у трьох томах / С.Д. Зубков, Б.А. Деркач, В.Л. Микитась. – Т.3. – Київ, 1981.
3. Гребінка, Є.П. Твори у трьох томах / Є.П. Гребінка. - Київ: Наукова думка, 1980. Т. 1.
4. Дьяченко, А. Евгений Павлович Гребенка / А. Дьяченко // Гребенка Е.П. Избранные произведения. - Киев: Радянський письменник, 1954.
5. Микитась, В.Л. Поетика байок Євгена Гребінки / В.Л. Микитась // Тезі доповідей міжвузівської наукової конференції (До 150-річчя з дня народження Є.П.Гребінки). Ніжин, 1962. - С. 7.
6. Деркач Б.А. Євген Гребінка. Літературний портрет / Б.А. Деркач. - Київ, 1974.
7. Куліш, П.О. Твори: В 2 т. / П.О. Куліш. - Київ, 1989. Т.2.
8. Путинцев, А. Е.П. Гребенка как малорусский поэт / А. Путинцев. - Воронеж, 1921.